

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПОДСОЗНАНИЕ БЕЛОРУССКОЙ ЭЛИТЫ

Юрий Чаусов

Предпосылки

В настоящее время среди независимых политических аналитиков в Беларуси постоянно дискутируется вопрос о влиянии мировой конъюнктуры на нефтяном рынке на политическую ситуацию в Беларуси. Отмечается, что устойчивость существующего в Беларуси политического строя находится в сильной зависимости от общемировых цен на энергоносители. Такая концепция требует постоянного учета этого фактора в разработке прогнозов развития политической ситуации и в выработке стратегий политических акторов. Уже сейчас вопрос о цене на нефть упоминается в реальных политических дискуссиях как один из ключевых для белорусского политического процесса вопросов. В частности, распространенными являются следующие тезисы:

- Современное устойчивое экономическое состояние белорусской власти достигнуто в значительной степени благодаря высокому спросу на товары белорусских предприятий в России. Получающая сверхдоходы за счет экспорта газа и нефти Россия покупает в Беларуси больше товаров, вследствие чего повышается рентабельность белорусских производителей и растут прибыли. В результате перераспределения этих вторичных прибылей растет белорусская экономика, растут доходы населения, а особенно — доходы государственных предприятий, ориентированных на экспорт в Россию.
- Одновременно высокие цены на нефть оказывают и обратное влияние на белорусскую экономику — предприятия несут большие издержки за счет высокой стоимости энергоносителей. В этой ситуации в выигрыше оказываются предприятия сферы услуг и иных сфер, которые мало зависят

от цен на нефть, но могут предлагать свои товары и услуги на российском рынке.

- В политическом измерении ситуация проявляется в постоянном стремлении белорусской правящей элиты к получению российских энергоносителей по внутрироссийским ценам. Такая политика направлена на поддержание дисбаланса между выгодами, получаемыми белорусской экономикой от высоких цен на нефть за счет экспорта товаров в Россию, с одной стороны, и высокими затратами на покупку энергоносителей — с другой. Одновременно и внутренняя политика правящей администрации находится в зависимости от мировой экономической конъюнктуры (например, сокращение перекрестного субсидирования и повышение тарифов на коммунальные платежи для граждан). Предпринимаются шаги по уменьшению энергетической зависимости от России — ищутся новые источники импорта энергии, в том числе внутри страны (такие же дорогие, эти источники не влекут за собой жестких политических обязательств).
- Даже повышение цен на энергоносители (высокие цены на нефть) мало влияет на балансы белорусской экономики в целом, поскольку основную тяжесть несут рядовые внутренние потребители товаров и услуг (негосударственные предприятия и частые фирмы, граждане и домохозяйства). Зарплаты белорусских граждан постоянно повышаются (в соответствии с обещаниями президента), но одновременно население страдает от постоянного роста цен, особенно в коммунальном секторе. Таким образом, рост мировых цен на нефть обогащает государственные предприятия и государственный бюджет, в то время

как негативные последствия ложатся на частный бизнес и граждан.

- Успешная сейчас белорусская экономическая модель основывается на высоких общемировых ценах на нефть и сравнительно низких ценах на энергоносители, импортируемые из России. При этом прогнозируется снижение цен на нефть во второй половине 2005 года. Это может привести к экономическому кризису в Беларуси в 2006 году, что поставит под угрозу успех Лукашенко на президентских выборах. Поэтому в целях опередить экономический кризис власти могут пойти на досрочное проведение президентских выборов в 2005 году, когда экономическая конъюнктура еще благоприятная.

Многие из указанных политико-экономических тезисов являются спорными и в экономическом, и в политическом плане — сомнительный анализ состояния белорусской и мировой экономики ведет к неправильным выводам относительно характера белорусской политики и устойчивости правления. Однако эти тезисы постоянно обращаются не только в независимой прессе (в виде краткосрочных политических и экономических прогнозов, текущей аналитики и публицистики), но и в официальной прессе и на телевидении (в виде трансляции парадигмы белорусского экономического чуда и критики в адрес России), в выступлениях президента (часто в них проскальзывают незапланированные высказывания, явно приоткрывающие характер принятия решений и, возможно, вдохновленные предоставляемыми ему аналитическими материалами), в передачах российских телеканалов (которые дезавуируют понятие белорусского экономического чуда и говорят о том, что рост белорусской экономики основан на дешевой российской нефти). Можно только догадываться, насколько указанные тезисы действительно влияют на характер принимаемых белорусской администрацией политических решений. Таким образом, эти «нефтяные» концепции влияют на массовое сознание и могут опосредованно изменить стратегии политических субъектов. Например, уже сейчас оппозиция учитывает возможность проведения президентских выборов в 2005 году и пытается выработать соответствующий сценарий реагирования. Ситуация усугубляется постоянным обсуждением на международном информационном рынке фактора ископаемых энергоносителей в мировой политике.

Поэтому мы не будем акцентировать внимание на уязвимости этих тезисов, ограничившись лишь констатацией их непригодности для кратко-

и среднесрочного прогнозирования развития белорусской политической ситуации, в том числе и при разработке стратегий оппозиционных политических акторов. Ошибочность сведения устойчивости белорусской власти к экономическому (энергетическому) фактору уже была продемонстрирована в период сравнительно низких цен на нефть: тогда был распространен тезис о том, что белорусская модель держится исключительно на поставках дешевых российских энергоносителей и иных мерах экономической поддержки со стороны России. Отмечалось, что, как только повысятся мировые цены на нефть и Россия заставит Беларусь платить за энергоносители цену, близкую к реальной рыночной, Беларусь окажется в жестком экономическом кризисе, за которым неизбежно последует кризис политический. Сведение белорусской политики к фактору экономики служит только оправданием неудач белорусской оппозиции и по продуктивности ничем не лучше вульгарной геополитики или социальной психологии (вроде «Беларусь всегда будет с Россией уже в силу географического положения», «Беларусь всегда находится в центре Европы», либо «Белорусский народ исторически не приемлет демократического правления»). Раздувание какого-либо из факторов неизбежно ведет к неправильному политическому анализу и влечет за собой принятие ошибочной стратегии (тем более, когда этот фактор является внешним по отношению к политической системе и не зависит от самих субъектов политики).

Тем не менее мы считаем, что сами по себе тезисы, которые мы отметили выше (отметили достаточно произвольно, для обозначения общих рамок существующих дискуссий), оказывают свое влияние на белорусскую ситуацию скорее в долгосрочном плане. Позиционирование зависимости экономической и политической ситуации в Беларуси от мирового нефтяного рынка оказывает влияние на общественное сознание и особенно влияет на сознание белорусской правящей элиты. Можно сказать, что в настоящее время, когда белорусский режим стремится почти к полной экономической и политической изоляции, массовое сознание и элиты воспринимают белорусское экономическое чудо (и вообще развитие белорусской экономики) в значительной степени как производную от внешнеэкономических факторов. Устойчивость политической власти, экономическое благосостояние, возможности личного обогащения и вероятные угрозы этим благам ставятся в зависимость от цен на энергоносители — и такое восприятие может влиять на политическое поведение и на политическую ситуацию в стране.

Подобное мировосприятие белорусской правящей элиты, на наш взгляд, может привести к драматическим изменениям в общественных настроениях. Для моделирования возможного хода событий в белорусском обществе мы предлагаем провести аналогию с теми процессами, которые происходили в советском обществе в 1970–1980-е годы.

Резюме: несмотря на стремление к экономической и политической изоляции государства от внешнего мира, массы и значительная часть правящей элиты осознают цепочку зависимостей между (1) внешним экономическим положением Беларуси; (2) внутренним экономическим благополучием Беларуси; (3) устойчивостью существующего политического и экономического строя; (4) проводимой государством внутренней и внешней политикой. Фактор мировых (и экспортных российских) цен на газ и нефть в этой концепции приобретает характер фетиша. Такое состояние массового сознания может влиять на политику, проводимую правящей частью элиты, и на динамику политической системы в целом.

Параллели в обоснование

Состояние советского общества в 1970-е годы и состояние современного белорусского общества имеют некоторые сходные черты — сравнение этих двух объектов сейчас производится аналитиками по самым различным поводам. Властные полномочия правящей элиты, пришедшей к власти не в результате плюралистической электоральной борьбы, а в результате революционного переворота (электоральной «революции» Лукашенко в случае белорусской элиты) не зависят от воли народа. Народ ощущает отчуждение от некогда народной власти, однако не видит перспектив в политической борьбе. Власть всячески подчеркивает свой народный и имперский (универсальный) характер. Оппозиция существует только как идеологический миф, воплощение внутреннего врага — как политическая альтернатива она не воспринимается массовым сознанием. Выборы являются театрализованной постановкой, выполняющей функцию идеологической индоктринации. Государственная идеологическая программа, далекая от устойчивых идеологических систем, направлена на оправдание политического курса. Элита, очевидно, теряет харизму и популярность, всё более опираясь на традиционный и бюрократический ресурс легитимности, в том числе делая ставку на разные формы национализма. Прежние интернационализм, панславизм и стратегии экспорта собственной оригинальной модели разви-

тия забыты — на их место пришли национализм и стремление к автаркии и «опоре на собственные силы». Проблема внешней изоляции (экономической и политической) становится всё более острой. Гуманитарное измерение и критика извне по проблемам прав человека, казалось бы, совершенно не опасные для режима, начинают приносить определенные неудобства. В целом власть отвергает состояние собственной оторванности от современного мира, всячески подчеркивая свою интегрированность в мировую систему, свою «нормальность». Реально же страна полноценно взаимодействует только с теми внешними партнерами, которые не проявляют претензий к плачевному состоянию гражданских свобод внутри страны, — в 1970-е это был могущественный «социалистический блок», сейчас же Беларуси приходится довольствоваться только странами СНГ и третьего мира.

Советская правящая элита (ядро которой составляла так называемая «номенклатура») в 1970-е годы окончательно сформировалась в особый правящий класс. Он являлся классом в марксистском понимании, поскольку имел особую позицию по отношению к собственности на средства производства — как в феодальном обществе оказались смещены понятия «собственность» и «владение», так и в советском обществе так называемая «общенародная собственность» оказалась в руках группы лиц, связанных с управлением этой собственностью. Можно провести параллель с так называемой «революцией менеджеров», поскольку советская номенклатура являлась именно корпусом менеджеров — в высших партийных школах их учили именно эффективно управлять собственностью, которая им лично не принадлежала. Фактически, в значительной мере номенклатура распоряжалась государственной собственностью (в том числе и средствами производства) как своей личной. Чем выше был уровень власти, тем более хозяйское отношение к общенародному достоянию проявлялось со стороны управляющего. Так, на низовом уровне (мастер в цеху, работник предприятия, сотрудник отдела, колхозник) постоянно проявлялись бесхозяйственность и стремление незаконно присвоить часть общенародной собственности (пример — государственная кампания борьбы с «несунами» — людьми, которые уносили к себе домой для личных целей имущество предприятия или колхоза.). На более высоком уровне (директор завода, директор института, председатель колхоза) ситуация выглядела несколько иначе — большой начальник зачастую чувствовал себя уже не временщиком, но хозяином (точнее, менеджером с долей в капитале

предприятия). Он уже не расхищал «социалистическую собственность», а скорее присваивал себе прибавочный продукт. Он стремился эффективно управлять доверенной ему собственностью, рассчитывая не только на 1) материальные и нематериальные легальные поощрения, но и на 2) солидную долю сопутствующих «полуофициальных» благ (льготы, пайки, связи, возможности карьерного роста, влияние), а также и на 3) нелегальные прямые вознаграждения (взятки, доходы от коррупции, откаты и доли от продаж, а также и то, что расценивалось ОБХСС как хищения). С развитием советского общества доля и значение благ третьей категории возрастали, а менеджеры постепенно начинали ощущать недовольство от собственного отчуждения от доверенных им средств производства. Они всё более испытывали тягу к легализации своего статуса хозяев общенародной собственности, к возможности открыто получать и использовать свои доходы — и в конце концов это давление сломало идеологические и политические рамки. Система начала процесс структурного изменения (точнее, приспособления к уже сформировавшимся общественным отношениям), который привел к распаду этой системы. Номенклатурная революция второй половины 1980-х и начала 1990-х была похожа на Великую Французскую революцию: под лозунгами свободы и социальной справедливости для всего советского народа произошел передел власти и ресурсов в пользу класса буржуазии-номенклатуры-менеджеров. В Беларуси же та революция окончилась неудачей — номенклатура пошла по реформистскому пути и достаточно быстро сдала свои позиции перед лицом сильного лидера, обещавшего, среди прочего, вернуть народу то, что у него было отнято обманом. Белорусская ситуация была даже не контрреволюцией в рамках классической революционной динамики, а скорее напоминала реставрацию сильного режима после временной смуты.

Тем не менее, на наш взгляд, сейчас белорусская элита начинает входить в то состояние, в котором находилась общесоветская правящая элита («номенклатура») в начале 1980-х. Большинство отмеченных выше черт характерны для сегодняшней белорусской элиты, либо она демонстрирует устойчивую тенденцию к приобретению этих черт. Этому способствуют достаточно высокие показатели белорусской экономики, находящейся (и в виде государственной собственности, и в виде так называемого «частного сектора») под полным контролем государственной администрации.

Именно тут следует вспомнить роль нефтяного фактора в развитии советской правящей элиты, как он понимается некоторыми аналитиками, ис-

следующими процесс трансформации советского режима. Советская экономика в 1970-е годы получила сверхдоходы от роста мировых цен на нефть — экспорт энергоносителей стал той иглой, которая поддерживала равновесие в советской экономике, стагнацию и даже экстенсивный экономический рост. Выполнение планов (культовое ритуальное понятие советского режима) было возможным благодаря решению экономических проблем при помощи нефтедолларов. За эти доллары покупался хлеб, недоступные технологии и перспективные промышленные образцы. Внешняя политика страны была направлена на поддержание высоких мировых цен на нефть (например, напряженность и конфликты на ближневосточном направлении объективно формировали благоприятную экономическую конъюнктуру для советского экспорта энергоносителей). Внутри же страны значительная часть доходов использовалась нерационально — по политическим и идеологическим мотивам деньги вкладывались в военно-промышленный комплекс. Это вызывало недовольство большей части элиты, которая чувствовала себя обделенной. Но до падения цен на нефть в 1980-е годы нефтедолларов (в широком смысле, включая влияние сверхдоходов на общее состояние экономики) хватало в общем всем представителям элиты. Недоразвитая экономика получала достаточно субсидий для продолжения своего существования. В общем, советский мир демонстрировал свой особый симптом «голландской болезни», специфически выраженный в презрительном отношении элиты к проявлениям этой болезни. Положение номенклатуры как верхушки советского общества (со всем набором соответствующих благ) всё более зависело от поддержки народного хозяйства за счет экспорта энергоносителей.

По большому счету, закрыв глаза на негативные тенденции в развитии экономики, значительная часть номенклатуры сосредоточилась на пополнении собственного благосостояния. Советская номенклатура стремительно богатели, «громкие» коррупционные дела советских времен и меры, принятые Юрием Андроповым, — только верхушка айсберга роста капитала, присвоенного менеджерами. При этом у номенклатуры росли запросы, потребности, которые она могла уже удовлетворить финансово, но не имела права это сделать по правовым, политическим и экономическим причинам — ценности системы переставали соответствовать реальным потребностям номенклатуры. Не последнюю роль в начале изменений сыграла и необходимость легализовать передачу номенклатурных благ по наследству. Ранее это было малодоступно и усложнено, принадлеж-

ность к клану номенклатуры сама по себе не гарантировала приобщения к распоряжению собственностью и ресурсами.

Таким образом, та элита хотела показать свои доходы как легальные и использовать их вне зависимости от идеологических догм и политических ограничений; реализовать и формализовать свою собственность на средства производства и преодолеть отчуждение от них; передать свою собственность прямым наследникам; пользоваться собственностью и расходовать личные средства в рамках альтернативной системы ценностей. И драматическое снижение поступлений от экспорта энергоносителей, сопряженное с огромным внешним давлением и общим кризисом экстенсивной экономики, стало катализатором, который подтолкнул элиты к изменению правил игры. Начатые сверху реформы быстро переросли в революционные изменения на среднем уровне управления и в сфере права собственности, а также вызвали реализацию революционного творчества всего населения. Советологи отмечают, что в 1985–1993 годах произошла самая настоящая Великая бюрократическая революция — это была не просто смена вывески на фасаде властного дома, а реальный переход власти от партийной идеологической номенклатуры к государственной бюрократии, владеющей средствами производства.

Резюме: в настоящее время развитие белорусского общества напоминает развитие советского общества на стыке 1970–1980-х годов. Народ чувствует собственное отчуждение от власти и принимает это отчуждение. Выборы и оппозиция являются только декорациями и на распределение власти не влияют. Правящая элита распоряжается государственной собственностью, снимает с нее экономическую и политическую ренту. Но при этом элита чувствует отчуждение от «своей» государственной собственности, поскольку (1) не может легализовать значительную часть своих доходов; (2) имеет трудности с передачей своего благосостояния по наследству; (3) чувствует постоянный страх перед санкциями со стороны лидера государства. Возможно, что такие (пока латентные) недовольства элиты проявятся в политической плоскости в связи с ухудшением нефтяной конъюнктуры и одновременным ухудшением состояния экономики.

Революционный и реформистский потенциал элиты

Параллели указанного состояния с современным состоянием белорусского общества очевид-

ны. Кадровая политика Лукашенко, направленная на разрушение элитной системы советского происхождения, привела к определенным успехам — старая структура номенклатуры как системы территориально-отраслевых кланов была ослаблена, но ей на смену пришли новые кланы, аналогичные по способу своего функционирования, хоть и отличающиеся по способу формирования. Постоянные кадровые перестановки, назначение на руководящие посты лиц, чуждых данной отрасли и оторванных от своего окружения, показательное привлечение должностных лиц к уголовной ответственности, дискредитация в СМИ элитных группировок — все эти методы борьбы со старой системой не привели к ее исчезновению. Клановые приспособились действовать в условиях авторитарного стиля управления, однако это не значит, что эти условия их удовлетворяют. При этом реальные заговоры, направленные на коренное изменение политической системы либо на смену персоны верховного правителя, в этих условиях маловероятны. Скорее, как в советские времена, мы будем иметь дело с бессознательным, инстинктивным движением правящей элиты в сторону изменения положения.

Распоряжаясь государственной белорусской собственностью, с риском для жизни пополняя собственный карман за счет этой собственности, испытывая нестерпимое чувство отчуждения от подконтрольных средств производства, белорусская номенклатура тайно мечтает (а скорее, видит в своих снах) о легализации своего властного статуса, экономического капитала и о его конвертации в капитал политический. И опять же совершенно естественное человеческое недовольство ограниченностью возможности использования богатств, отсутствием чувства личной безопасности, невозможностью непосредственно передать потомкам большую часть нажитого капитала вызывает вполне объяснимую фрустрацию. Особым фактором является приход во властные структуры нового поколения молодых прагматиков-управленцев, для которых далека революционная фразеология середины 90-х, но которые ощущают в антикоррупционных высказываниях президента некоторую опасность. Эти «новые управленцы» подсознательно чувствуют ситуацию: «Безопасное обогащение возможно только при изменении политического расклада». Существование современной политической и экономической системы в данном контексте превращается скорее в помеху.

Происходит то, что называется формированием революционного сознания, а на данном этапе — революционного подсознания. Элита зреет, и рано или поздно ее инстинктивные (и естествен-

ные) классовые стремления (вызванные несоответствием между реальным и легальным статусом собственности на средства производства) начнут просачиваться в реальные политические решения. От того, как быстро это произойдет, зависит развитие белорусской ситуации.

(а) Если элита осознает свои интересы, но не сформируется как политический класс, в Беларуси на смену виртуальным номенклатурным заговорам придут заговоры уже реальные. В пользу этого варианта говорят постоянные кампании по устрашению директорского корпуса и чиновничества — «посадки» лидеров неформальных элитных групп и кланов должны вызывать не только страх, но и постоянную ненависть. Чувство самосохранения представителей элиты вполне может оформиться в виде политической воли — но те же самые репрессии препятствуют ее превращению в политический класс (расчет на этот вариант уже неоднократно подводил белорусских политических технологов от оппозиции). В любом случае, уровень неприятия Лукашенко в среде элит пока еще явно недостаточен для реальных личных действий по изменению системы — но это неприятие постоянно растет, поэтому в долгосрочной перспективе этот вариант не следует сбрасывать со счетов.

(б) Если же элита осознает свои интересы, ощутит возможность их политического решения и обнаружит сходство этих интересов и решений со стремлениями всего белорусского народа — ситуация станет по-настоящему революционной. Тут мы можем ожидать свершения революции по бархатному либо классическому образцу, но это будет именно революция, со сменой режима правления, сопротивлением части старого режима, поддержкой со стороны народных масс. В пользу этого варианта говорит пример соседних стран, где в результате революционных процессов владельцы средств производства могут осуществлять свои права без оглядки на идеологические догматы и оторванные от реальности нежизнеспособные ценностные установки. Новая «весна народов» — Словакия, Сербия, Грузия, Украина и так далее — стучится в окошко белорусской номенклатуры и предлагает легкий выход из создавшейся ситуации. Также фактором, способствующим подобному развитию событий, является и «спрессованность» белорусского политического времени — период стагнации и застоя не может продолжаться долго.

(в) Если элита так и не сможет осознать свои интересы, ситуация будет развиваться примерно так, как это было в Советском Союзе. То есть противоречия между действиями элит как хозяев го-

сударственной собственности и номинальным положением этой собственности достигнут той стадии, когда система сама по себе начнет трансформироваться в сторону легализации реально существующего положения. Режим расширения президентского домена до пределов всей страны (с сопутствующим подавлением очагов инакомыслия и экономической самостоятельности) не будет препятствовать личному обогащению элит. Верховная власть уже ясно продемонстрировала, что, несмотря на все репрессии против представителей правящей верхушки, она по-прежнему опирается на определенный слой лояльной номенклатуры. Подсознательные брожения внутри этой лояльной, но неудовлетворенной номенклатуры будут подспудно готовить почву для изменения правил игры. На наш взгляд, катализатором для такого изменения может стать психологическое воздействие снижения мировых цен на нефть — угроза уменьшения «пирога» прибыли от контролируемой государственной собственности может повлечь ускоренную дележку этого «пирога» между заинтересованными лицами. При этом номенклатурная приватизация возможна как по инициативе Лукашенко, так и против его воли.

Естественно, тут необходимо сделать поправку в связи с масштабами явления — инерция и размеры Советского Союза несравнимы с белорусскими масштабами, поэтому ситуация в Беларуси развивается намного быстрее (приход новой «революционной» власти, властное противостояние, вытеснение политических оппонентов с официальной сферы и стагнация режима заняли тут всего десять лет). Так же и национальный фактор в Беларуси имеет меньшее значение, чем в Советском Союзе (хотя белорусское национальное Возрождение и может играть роль национальных движений, способствующих революции как дополнительный фактор дестабилизации обстановки). Подобное сравнительное моделирование содержит массу допущений и упрощений, однако мы позволим себе сделать на основании этой модели некоторые выводы.

Пути решения стоящих перед белорусской правящей элитой проблем не обязательно влекут за собой сознательные действия. Возможен вариант, обозначенный нами как (в), когда элита как единый субъект будет преодолевать стоящие перед ней проблемы через неосознанное стремление к определенному рода решениям. Этот вариант более вероятен, чем распространение заговоров и революционное развитие событий (последнее требует кроме революционизации элит еще и революционизации масс, смычки этих двух центров недовольства на политическом уровне). На наш

взгляд, это неосознанное стремление будет прежде всего сфокусировано на разрешении проблемы собственности, находящейся во владении лиц, принадлежащих к правящей элите (политико-административной, военной, хозяйственной).

Поэтому в условиях постоянного и неосознанного стремления к легализации собственности властной элиты на общенародное достояние в виде государственной собственности на средства производства прогнозируемое снижение мировых цен на нефть может не вызвать электоральную революционную угрозу для Лукашенко. Но оно может способствовать реализации тайных мечтаний части правящей элиты о легализации собственного имущественного статуса. Это будет проявляться не только в «ползучей» приватизации (с отсечением от нее зарубежных и особенно российских капиталистов). Подобный ход событий неизбежно потянет за собой и политические изменения. Речь идет не о «либерализации режима», но о его трансформации по образцу Южной Кореи в режим кланово-государственного капитализма.

Таким образом, белорусская правящая элита не целиком удовлетворена сегодняшним состоянием белорусского общества. Вопрос собственности приобретает для нее все больший интерес. Именно экономическая заинтересованность элиты может вызвать в ее среде формирование революционных, консервативных и умеренно реформистских блоков. Представляется, что эти процессы внутри элиты в долгосрочной перспективе более значимы для белорусского общества, нежели усилия по изменению ситуации, прилагаемые политической оппозицией.

Резюме и выводы: кадровая политика Лукашенко ослабила позиции «номенклатуры», но не до конца разрушила ее структуры. Сейчас в среде номенклатуры нарастает скрытое недовольство существующим политико-экономическим строем, который мешает элите достигнуть желаемого. Часть элиты в условиях ухудшения эко-

номического состояния может осознать свои экономические и политические интересы и придать им форму политической воли. Эта воля может быть реализована через (1) заговоры; (2) «номенклатурную» революцию. Более же вероятным является развитие по советскому образцу (3) — поступательные реформы с «номенклатурной» (закрытой от народа и внешних инвесторов) приватизацией без артикулирования политической воли к реформам.

Катализатором изменения ситуации по вариантам (1) или (2) может стать психологическое воздействие очень резкого снижения мировых цен на нефть и/или существенный и резкий кризис в белорусской экономике. В сценарии (2) вероятно влияние существующей оппозиции.

Если экономическая ситуация не изменится либо будет ухудшаться медленно, более вероятен вариант (3). В этом случае наиболее вероятно, что Лукашенко выступит в качестве инициатора реформ, однако после передела экономической власти может наступить передел власти политической, что для него может обернуться отстранением от власти.

В данной наброске мы попробовали проанализировать один из возможных факторов, влияющих на развитие белорусского общества. Естественно, наши выводы далеко не бесспорны, поскольку базируются на достаточно шатком фундаменте вольной аналогии и простой экстраполяции тех тенденций, которые, на наш взгляд, доминируют в мировоззрении правящей элиты. Тем не менее мы полагаем полезным обращаться к таким точечным попыткам векторного политического прогнозирования с упрощением социальной и идеологической истории для последующей выработки развернутых, синтетических моделей возможного развития событий. Подобные более широкие сценарии, синтезированные на материале анализа многих факторов, могут быть положены в основу разработки долгосрочной стратегии политических действий.